

Galina Jakuszewa

Любовь-эрос у Толстого и Гёте : спор или единомыслие? : к трактовке образов Анны Карениной и Гретхен

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 23-28

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Galina Jakuszewa

Państwowy Instytut Języka Rosyjskiego im. A. Puszkina
Moskwa, Rosja

**ЛЮБОВЬ-ЭРОС У ТОЛСТОГО И ГЁТЕ:
СПОР ИЛИ ЕДИНОМЫСЛИЕ?
(К ТРАКТОВКЕ ОБРАЗОВ АННЫ КАРЕНИНОЙ
И ГРЕТХЕН)**

Ключевые слова: *христианство, любовь, пол, преодоление «животности»*

Проблема любви-эроса во все времена тесно связывалась с основными принципами того или иного мировидения. Так, если во времена античности она освящалась язычески-чувственным ощущением постоянного и непосредственного общения с человекоподобными богами, заключая своё оправдание в самой себе, – или, точнее, не требуя оправдания; если в теоцентрическую эпоху Средневековья она воспринималась как изначально «тёмное», животное, «дьявольское» начало в человеке, от которого в идеальной перспективе хорошо было бы избавиться (вспомним евангельское «имеющий вместить да вместит» в ответе Христа на вопрос апостолов о воздержании как жизненном принципе), то эпоха Возрождения, уже без всякой сакрализации обращаясь к античному антропоцентрическому мироощущению (вспомним протагоровское «Человек – мера всех вещей»), начала формировать новое, «внебожественно» реабилитирующее плоть сознание (*Декамерон* Дж. Боккаччо, *Гаргантюа и Пантагрюэль* Ф. Рабле – одни из многих тому доказательств).

Мощный идеологический фундамент это сознание получило в XVIII столетии, часто называемом «веком разума», но, по сути, являвшимся эрой культа «естественного человека», что, разумеется, предполагало и веру в правомочность и надёжность человеческого разума, и упование на благую по замыслу человеческую натуру. Эта вера, колеблемая уже в век её становления (образы йэху из *Путешествий Гулливера* Дж. Свифта, рассуждения маркиза де Сада наиболее убедительные тому примеры) и решительно скомпрометированная в середине высокоцивилизованного и при этом неистребимо варварского XX столетия, наложила прочный отпечаток на всю мировую, в том числе русскую культуру рубежа XIX–XX вв.

Именно с этой верой и сомнением в ней связаны как нескончаемые споры об изначальной добродетельности или испорченности человека, так и обусловленный ими характер тех или иных социальных проектов или программ личного со-

вершенствования, среди которых едва ли не первое место занимали споры тогдашних мыслителей о «любви по-русски»¹, подогреваемые общеевропейскими дискуссиями о ницшеанском «человеке-звере», «борьбе полов» и прочих открытиях социал-дарвинизма и фрейдизма на фоне декаданса, кризиса традиционной бюргерской культуры и поисков нового общественного устройства. Обращаясь к симптоматичному для русского сознания творчеству Льва Толстого, мы видим в его исканиях 1850-х гг. следы влияния сентиментализма и морального ригоризма Иммануила Канта, полагающего, что только непреложность исполнения нравственного долга исправит «искривленное дерево» человеческой породы; отзвуки вольтеровского импульса к полноценному восприятию «живой жизни» в произведениях русского гения 1860-х гг. и наконец с 1870-х гг., на новом витке обращения к дорогому для сердца Толстого с юности руссоизму, решительное признание им приоритета *чувства* над *разумом*. Признание, однако, уже не с вольнодумно-просветительской, но с евангелистской окраской, акцентирующей в христианстве (в резком отличии, заметим, от одного из властителей умов Европы, мастера пера, дипломатии и католической апологетики чувственности Ф.Р. Шатобриана с его трактатом *Гений христианства* аскетическое, «надчувственное», внеполовое начало.

В итоге Лев Толстой, в русле руссоистских идей провозгласивший культ естественного бытия естественного человека в незлобивом согласии с природой и в отклонении всех видов «искусственного» существования, сформированного искажающей человеческую сущность цивилизацией, тем не менее с явным неодобрением, если не сказать презрением, отнесся в зрелый, «проповеднический» период своей жизни к одной из важнейших составляющих человеческой природы – взаимному тяготению полов, сексуальной жизни, тому, что принято называть «завом плоти». В *Крейцеровой сонате* (1887-89, опублик. в 1891) он объясняет настойчивую потребность в сексе внушением «докторов», современной циничной науки, говорящей о пользе половых контактов для здоровья (таким же образом, уверяет Толстой, можно убедить в пользе «водки, табака, опиума»), решительно отвергает тезис о естественности полового акта, который, по Толстому, есть осуществление «самой сильной, и злой, и упорной страсти», являющейся лишь временно необходимым способом продлить жизнь человечества до искомого момента достижения им своей цели – «блага, добра, любви». Любви настоящей, свободной от вождления и потребности в личном самоуслаждении ибо «идеал добра», стоящий перед человечеством, сочетается только с «воздержанием и чистотой»². В статье *Что такое искусство?* (1898) Толстой среди чувств, «присущих только одному сословию богатых праздных людей» и «совершенно непонятных огромному большинству», наряду с «чувствами аристократической чести, пресыщенности, тоски, пессимизма» называет и «утонченные и развращённые чувства, вытекающие из половой любви»³.

¹ См.: *Русский эрос, или Философия любви в России*: сборник статей, Москва 1991, с. 448.

² Л. Толстой, *Крейцера соната*, [в]: Л.Н. Толстой, *Собрание художественных произведений: в 12 томах*, т. 10, Москва 1948, с. 13, 23, 28.

³ Л. Толстой, *Что такое искусство?*, [в]: Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений: в 20 томах*, т. 30, Москва-Ленинград 1928-1958, с. 164-165.

В русле подобной концепции и программный эпиграф из Евангелия от Матфея «Мне отмщение, и аз воздам», и судьба заглавной героини, и финальные размышления автотипичного героя Левина в романе *Анна Каренина* прочитываются как обвинительный приговор любви-страсти, фактически, по Толстому, оттесняющей в душе человека христианскую, т.е. братскую, сострадательную, не-эгоистическую любовь, любовь-понимание, любовь-сочувствие, любовь-ответственность, любовь-долг, ставящую интересы «другого» выше интересов собственных – и потому разрушающей личность, приносящей зло и ей самой (самоубийство Анны – катастрофический итог не только земной, но и загробной жизни, отмеченной тяжким грехом самоубийства), и окружающим людям, решительно разведенной с понятиями Добра и вечного Спасения⁴.

Иное дело – Гёте, великий «язычник» (Heide), как он сам себя называл, к которому Толстой на протяжении всей жизни испытывал живой, динамичный, заинтересованно-полемичный интерес, тот Гёте, чьим *Вертером* Толстой восхищался (даже несмотря на отмечаемую русским моралистом в конце жизни «безнравственность» этого романа), чьего *Фауста* и изучал, и цитировал, и осуждал и которого в конце концов причислял (наряду с Шекспиром и Данте) к «ложным авторитетам», решительно отвергая Гёте за «отсутствие религиозности», эгоизм и «самоуверенное язычество»⁵. Хотя по сути Гёте был гораздо ближе к Толстому, чем это казалось русскому гению, и не только по тяготению к панорамности охвата жизненных явлений и неустанному стремлению опробовать себя на самых разных поприщах и в реальном, и в духовно-интеллектуальных планах или по свойственному и тому и другому предпочтению ненасильственной эволюции (*нептунизма*) революционному взрыву (*вулканизму*), что проявилось, в частности, в исключительной симпатии Толстого к гетевской патриархально-бюргерской (на фоне французских потрясений) идиллии *Герман и Доротея*, но и по связанному с этим и восходящему у обоих к просветительскому принципу «естественности» жизнепрятию, духовному здоровью (о чём писал Томас Манн в программном эссе *Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма*, 1922), человеколюбию вполне религиозного образца – если вслед за Толстым понимать под религией представление о земной жизни не как о единственном, а лишь как о видимом пласте существования, предполагающем наличие иных, более высоких и важных форм бытия. Так, известны слова Гёте о том, что «дух» человека не умирает вместе со смертью последнего – как не перестает светить солнце, уходя от нас за горизонт; неоднократно высказываемое великим олимпийцем убеждение в нашем будущем существовании и, наконец, прямое признание позднего Гёте: «Нынче никто не ставит под сомнением ни себя, ни бога, к тому же понятия

⁴ И. Чуприна, *Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е и 70-е годы*, Саратов 1974, с. 233-315.

⁵ Л. Толстой, *Полное...*, т. 66, с. 34. Об отношении Л.Н. Толстого к И.В. Гёте см. также: М. Чистякова, *Толстой и Гёте*, [в]: *Звенья*: сборник статей, вып. 2, Москва-Ленинград 1933, с. 118-129; В. Жирмунский, *Гёте в русской литературе* (указатель имён), Ленинград 1981; Т. Мотылёва, *Лев Толстой – читатель Гёте*, [в]: *Гётевские чтения*: сборник статей, Москва 1986, с. 203-226; В. Кантор, *Лев Толстой: Испытание неисторией*, „Вопросы литературы” 2000, № 4, с. 120-181.

бог, бессмертие, суть нашей души и её связь с телом – это вечные проблемы...»⁶. Симптоматичен и гётевский Фауст, своими «блужданиями», завершённым созидательно-альтруистическим порывом как высшим мигом удовлетворения земной человеческой жизнью доказывающий оправданность и осуществимость в человеке «внеположенного» Божественного замысла.

В трагедии Фауст «язычник» Гёте, в отличие от создателя Анны Карениной, избавляет от наказания свою грешницу Гретхен, потерявшую невинность до освященного церковью брака, убившую (пусть и невольно) свою мать, своего незаконнорожденного ребенка, ставшую причиной гибели своего брата и фактически добровольно принявшую собственную смерть (ведь она отказывается бежать с помощью Фауста и Мефистофеля из тюрьмы: мудрость безумия не позволяет ей оставаться жить на земле со столь мощно кровоточащими ранами совести). И не только избавляет. Голос свыше «Спасена!», которым заканчивается 1-я часть *Фауста*, переключается с концовкой трагедии, где именно предстательство на Небесах бывшей грешницы Гретхен позволяет Высшим силам «простить» земные грехи и ошибки этому вечному искателю Фаусту и удостоить его заслуженного апофеоза (ибо неустанно, воплощая в своей человеческой ипостаси созидательное, творческое начало Божественного отца, *стремился*, и стремление это выходило за рамки узколичной, «животной» самоудовлетворённости. Не кто иной как Гретхен, бескорыстно и безоглядно отдавшаяся страстной любви, именно в силу этого оказывается у Гёте самым совершенным воплощением любви христианской – самопожертвованной и милосердной, образом того мадонноподобного Вечно-женственного, что вечно «тянет нас ввысь» («Das Ewig-Weibliche zieht uns hinan»), как гласят заключительные строки *Фауста*.

Уже сама религиозная символика 2-й части *Фауста* – при всей её «мистичности» (определение Толстого), чуждой эстетике русского романиста, – не позволяет оценивать «язычество» (культ «вещественного», реального, земного) Гёте как результат его якобы плоскостно-материалистического видения мира. Скорее здесь речь идет о своеобразной «анимализации» космического пространства у немецкого гения зари естественнонаучной эры – миропонимания, предполагающего устройство Вселенной по принципу живого организма, проходящего все стадии развития последнего, от «прафеномена» до «смерти в трансформации» (метаморфозе), – и той «анимализации» универсума, которую предполагал (или предвидел?) Толстой.

Это проявлялось в зрелых произведениях русского писателя и мыслителя во всё крепнущем мотиве недоверия к сексуальной жизни (в *Крейцеровой сонате*, как уже упоминалось, прямо говорится о её «противоестественности»), что мы напрямую свяжем не только с учением великого современника Гёте (и в данном аспекте благосклонно воспринимаемого последним) философа-пиетиста И.Г. Гамана, согласно которому женщина отдаёт себя на плотское «заклание» мужчине с тем, чтобы тот в свою очередь отдался Христу, и даже не с неоплатоническими построениями выдающегося русского религиозного философа Вл.С. Соловьёва, где эротическое земное перерастает в высшую, «внеполовую» любовь, о которой пи-

⁶ И. Эккерман, *Разговоры с Гёте в последние годы его жизни* (перевод Н. Ман), Ереван 1988, с. 323 (запись от 1.09.1829).

сал и поздний Вас. Розанов в философском эссе *По тихим обителям* (1902), *Язычество и христианство в Ясной Поляне (К уходу Л.Н. Толстого)* (1910). Но прежде всего – с учением великого современника Толстого, русского мыслителя Николая Фёдорова. Того, кто предрекал постепенное, с помощью достижений научного знания, высвобождение рода людского из плена биологического мира с его непреклонными циклами рождений, болезней и смертей – и переход человека на тот высший уровень бытия, где нет диктуемых нашим сегодняшним естеством инстинктов, желаний и страстей, ставящих перед нами ложные цели и провоцирующих на ложные мысли и действия, где, согласно провидческому «коллективному бессознательному» всех мировых религий, мечтающих о вечном блаженстве инобытия, о загробном рае, нет «ни печали, ни воздыхания», но есть новый, пока не известный нам мир «внеживотного» существования, сцеплённый новыми, свободными от жажды наслаждения и потому менее эгоистичными и более прочными, чем нынешние земные, истинно христианскими узами любви.

Если вспомнить о восхождении гётевской Гретхен на небеса, восславленной за способность подняться над чувственностью к «материнской», «сестринской» любви понимания и прощения, и низвержении толстовской Анны под, образно говоря, колеса бездушной цивилизации из-за неспособности и нежелания быть чем-то большим, чем просто партнёрша в плотском соитии («Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим»⁷) – то не придём ли мы к выводу, что оба гения, и «язычник» Гёте (о «стихийном» христианстве которого, выражающемся в полном доверии к сотворённому миру и человеку, написано немало работ⁸), и неутомимо взыскующий истины во Христе Толстой, один – оправдавший (и с помощью именно «христианской эротологии» – *die christliche Erotologie*)⁹, другой – наказавший свою прелюбодействующую грешницу, исходили из одного и того же: не пиетета перед законами или традициями, но желания видеть в любви путь к счастью (как искомой самоидентификации) через удовлетворение, вознаграждение, «спасение» не себя, но «другого».

И если вспомнить при этом о принципе неустанного стремления к совершенству, предполагающем альтруистическое преодоление своей эгоистической «животности», принципе, провозглашаемом неоднократно в качестве единственно оправдывающего человеческое бытие не только автором *Фауста*, но и создателем *Анны Карениной*¹⁰, – то не покажется ли нам в свете рассмотренной выше трактовки любви, этого самого главного из естественных чувств естественного человека, мнимым противостояние Гёте и Толстого, этих двух символов русской и немецкой национальных культур, каждый из которых по своему, не будучи ни идеалистом, ни романтиком-мечтателем и по-антеевски крепко стоя на грешной земле, утверждал веру в высокое, «божественное» направление человеческого пути?

⁷ Л. Толстой, *Собрание...*, т. 8, с. 297.

⁸ См. об этом подробнее: М. Bollacher, *Christentum*, [in:] *Goethe-Handbuch*: in 4 Bänden, Bd. 4/1, Stuttgart-Weimar 2004, S. 165-175; Г. Якушева, *Фауст в искушениях XX века*, Москва 2005, с. 13-24.

⁹ G. Mattenklott, *Faust (Tragödie)*, [in:] *Goethe-Handbuch...*, Bd. 2, S. 553.

¹⁰ См.: В. Булгаков, *Л.Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н. Толстого*, Москва 1960, с. 131, 230, 233 (записи от 13.03., 13.05. и 17.05. 1910 г.).

Библиография

- Булгаков В., *Л.Н. Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н. Толстого*, Москва 1960.
- Жирмунский В., *Гёте в русской литературе* (указатель имён), Ленинград 1981.
- Кантор В., *Лев Толстой: Испытание неисторией*, „Вопросы литературы” 2000, № 4.
- Мотылёва Т., *Лев Толстой – читатель Гёте*, [в]: *Гётевские чтения*: сборник статей, Москва 1986.
- Русский эрос, или Философия любви в России*: сборник статей, Москва 1991.
- Толстой Л., *Крейцеров соната*, [в]: Л.Н. Толстой, *Собрание художественных произведений: в 12 томах*, т. 10, Москва 1948.
- Толстой Л., *Что такое искусство?*, [в]: Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений: в 20 томах*, т. 30, т. 66, Москва-Ленинград 1928-1958.
- Чистякова М., *Толстой и Гёте*, [в]: *Звенья*: сборник статей, вып. 2, Москва-Ленинград 1933.
- Чуприна И., *Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60-е и 70-е годы*, Саратов 1974.
- Эккерман И., *Разговоры с Гёте в последние годы его жизни* (перевод Н. Ман), Ереван 1988.
- Якушева Г., *Фауст в искушениях XX века*, Москва 2005.
- Bollagher M., *Christentum*, [in]: *Goethe-Handbuch*: in 4 Bänden, Bd. 4/1, Stuttgart-Weimar 2004.
- Mattenklott G., *Faust (Tragödie)*, [in]: *Goethe-Handbuch*: in 4 Bänden, Bd. 2, Stuttgart-Weimar 2004.

Summary

Love-Eros in the work of Tolstoy and Goethe: controversy or conformity of opinions? (For interpretation of characters of Anna Karenina and Gretchen)

Though Leo Tolstoy as a Christian was an opponent of principle of the “Heathen” J.W. Goethe, his “punished” Anna Karenina so as Goethe’s “saved” Gretchen from Tragedie *Faust* both embodied the common idea of Russian and German geniuses: the real live of the natural being must rise over the selfishness and biological sexuality. With love of this kind and the negotiation of “beast” in human nature Tolstoy after Goethe joined his conception of perfect and happy human being.

Key words: *christianity, love, sex, negotiation of “beast” in human being*